

Александр Яковлевич ЯШИН

УМЕР Александр Яшин. Я не имею оснований называть его своим другом — мы только два раза встречались с ним у меня дома да еще на собраниях или в нашем клубе. Мы были людьми разных литературных школ, различных привязанностей

и даже различались географически: главной его темой была Вологда и ее окрестности, а я там, к сожалению, пока ни разу не был.

Но я истинно и глубоко скорблю, что он так рано ушел от нас. Потому что он был настоящим, самостоятельным, интересным советским поэтом, каких у нас не так уж много. Потому что за каждым его стихотворением стояли, побратавшись, мысль и чувство. Потому что он был предельно честен в поисках истины и всегда стремился — в русле нашей действительности — к ней, не отделяя себя ни в этом, как и ни в каком другом, смысле от нашего писательского коллектива.

Мне нравится народность его языка, ясность мысли, определенность каждой его литературной работы. нравятся его прозаические опыты. нравятся и нравятся весь его литературный облик.

Жизнь его не была поверхностной и легкой (да у кого из настоящих писателей она была такой!). Все, что он достигал, он достигал своим опытом, своим умом, никому не подражая, а продолжая широкую дорогу русской литературы. Не всегда он шагал прямо по этой дороге, а любил бродить и еле заметными тропинками,

но они всегда выводили его опять на большак.

Его повезли хоронить туда, где он родился, на милую ему северную русскую землю. Он вышел из нее, ушел в нее и надолго останется на ней, как и на всей Советской Родине.

Ярослав СМЕЛЯКОВ

ИМЯ Александра Яшина в траурной рамке... Сердце протестует, не верит. И рука не подымается писать об Александре Яковлевиче в прошедшем времени. В сорок третьем году он говорил:

*Не дрогну я в сражениях с врагами,
Земли родной не выдам:
Не умру!*

Верно: он не дрожал ни в каких сражениях. И землю родную не выдавал. Но умер, сгорел. Сгорел слишком быстро, едва ступив за свое пятидесятилетие. Правда, он никогда не завидовал должителям и смерть презирал. Все равно случившееся не воспринимается иначе как нелепость. Душевный огонь с годами затухает у людей обычных, у писателей средних. У Александра же Яшина все было наоборот. С каждым прожитым годом росло его гражданское

мужество, писательская совесть обострялась и талант приобретал новые качества. Последние свои семьдесят дней Александр Яковлевич прожил в невероятных физических страданиях. Но даже в это время продолжался его духовный поиск, и мужество ни разу его не покинуло.

Не меньшую утрату понесла со смертью Александра Яшина и русская проза: он так много не успел доделать, дописать, так много осталось после него заготовок, набросков прозаических произведений. А разве можно было спутать яшинскую прозу с какой-либо другой?..

Он был одним из тех писателей, которые прокладывали дорогу для сегодняшней литературы.

Поразительная писательская принципиальность, мужественная честность сочетались в Александре Яшине с его удивительной добротой и заботливостью о молодых литераторах. Многих и многих из нас отогрел он под своим крылом, наставил на путь. Особенно много добра сделал он для литераторов-северян. Для меня же смерть Александра Яковлевича — горе тройное! Он был для меня больше, чем друг. В душе — горечь и боль.

ВОЛОГДА

Василий БЕЛОВ